

ТЕОРИЯ ДЛЯ ТЕОРЕТИКОВ

Педагогика персонализации как антропологический проект

А. Г. Асмолов

Человечество вообще, а наша страна в особенности склонна искать и постоянно находить универсальные технократические решения всех имеющихся проблем. То это была электрификация, то индустриализация, теперь цифровизация. Лично мне кажется, что единственный, действительно универсальный ключ, открывающий любые двери, куда людям необходимо войти, подобрал Алексей Николаевич Леонтьев, считавший, что если в каждый данный момент времени остановиться и оглянуться, то легко понять только образование есть самый великий на земле проект и проект этот «антропологический», проект производства человека, проект производства разума. Забывая это, мы постоянно говорим о всевозможных трансформациях в любых областях, и прежде всего в инженерии и технологиях, кроме тех, которые происходят с нами самими и нашими детьми, и не где-то и когда-то, а здесь и сейчас.

Великий антропологический проект, который мы привычно называем словом «образование», имеет долгую и богатую историю. Даже если взять только последние сто лет его развития, этот век объемлет и педагогическую антропологию К.Д. Ушинского, и культурно-историческую психологию Л.С. Выготского, и исследования А.Р. Лурия, В.В. Давыдова, а также многих других. Но уже и этих имен достаточно, чтобы понять всю ту недооцененность, которая постигла этот величественный проект именно здесь и именно сейчас. Названные мною крупнейшие мыслители, а также их выдающиеся учителя и предшественники К. Леви-Брюль, Ж. Пиаже, Э. Дюркгейм собственно, все гении человечества, пытавшиеся прирастить знания человека о самом себе, развивали антропологию как науку о человеке. Однако сегодня она у нас загнана в дальний темный угол, даже без кампании по ее разоблачению, как когда-то генетика, а просто потому, что из фокуса обществен-

ного, а значит, и научного внимания изгнан человек. В этом фокусе у всевозможных практикующих и исследовательских групп находятся кадры, ресурсы, персонал, а человек – почти никогда. Поэтому, долгое время занимаясь психологией личности вместе с автором теории персонализации Вадимом Петровским и другими ближайшими коллегами, мы постоянно подчеркиваем, что антропология это не одна из многих частных наук. Её задача шире – изменить приоритеты современного общества, которое нуждается в понимании и доказать, что нет в мире ничего важнее, чем антропологический проект. Именно поэтому мы настаиваем на основополагающей роли тезиса о том, что все существующие и любые мыслимые педагогические учебные заведения, как бы они ни назывались, это прежде всего университеты антропологические. Антропологические в том глобальном смысле, который восходит к Иммануилу Канту. Подходы к феномену человека, его многомерности и разнообразию должны сформировать структуру той системы педагогического, и не только, образования, которую мы начали исследовать в недавно созданной «Школе антропологии будущего», развивающей концепцию Льва Семёновича Выготского, Жана Пиаже и Курта Левина.

Большие успехи, достигнутые в области искусственного интеллекта, не могут и ни в коем случае не должны сколько-нибудь умалить значение интеллекта естественного и, соответственно, образования как конструирования и развития этого естественного интеллекта. Разумеется, искусственный интеллект может очень многое, в том числе он может очень многое

уничтожить, но преимущество интеллекта естественного состоит в том, что он может не только уничтожить, он может и реально смог породить искусственный интеллект, но на этом его потенциал далеко не исчерпан. Естественный интеллект продолжает развиваться, и мы обязаны всячески этому способствовать, в том числе изучая законы его развития и формируя условия для этого.

Одним из базовых противоречий, формирующих потенциал развития естественного интеллекта, является парадоксальное сочетание предсказуемости и непредсказуемости. Подчеркнем, что возрастание уровня сложности живых систем связано с непредсказуемостью, т.е. той их составляющей, которую невозможно передать посредством каких бы то ни было алгоритмов. Еще Ю.М. Лотман в своей работе «Непредсказуемые механизмы культуры» отмечал: «...говоря об истории человечества, можно сказать, что роль непредсказуемости не только существенно возрастает в тот момент, когда человек сделался человеком, но и что именно она образовала фундамент этого перехода». Феномен непредсказуемости является ключевым обстоятельством любого революционного открытия и шире любого создания подлинно нового, доселе небывалого не только в науке, но и в искусстве, и вообще культуре. Невозможно предсказать создание того, что сам создатель оценит знаменитым «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!». Именно благодаря непредсказуемости взрыва человеческого гения, неслучайно также называемого «божественным озарением», человек лишь отчасти является, но не сводится к программируемым существам. Одним

из лучших описаний смысла процесса творчества, то есть создания качественно нового, ранее принципиально не существовавшего, является фраза Виктора Франкла: «Тот, кто знает “зачем”, сумеет выстоять любое “как”» (формула из его произведений «Человек в поисках смысла», «Скажи жизни “да”»). Именно не просто рассчитать, но выстоять, то есть преодолеть для того, чтобы найти «как» в нашем случае «как спланировать, запустить и развивать антропологический проект». Для этой цели необходим только и исключительно естественный интеллект, естественный интеллект учителей и учителей учителей.

Именно знание «как», а в еще большей мере стремление найти это «как» позволяют в самых сложных обстоятельствах не только выжить, но и развиваться главному антропологическому проекту образованию. Образование это порождение (термин Леонтьева) возможностей развития человека, культуры и общества через системы деятельности. Именно в этой формуле как раз и таится сочетание плановости, то есть предсказуемости системной деятельности и ключевое значение того, что только новые, ранее неизвестные решения, непредсказуемые эвристические приемы в ситуации кризиса и бифуркации позволяют образованию создавать не просто знание, а культурный слой. Собственно, именно порождение культурных слоев есть фундамент ценностного понимания образования. Такое понимание является основой любого образовательного процесса вот уже несколько тысяч лет, то есть столько, сколько существует само образование. Интеллект, народ, нация, культура существуют до тех пор, пока

есть те, кто учит, и те, кто может и хочет учиться, и постольку, поскольку учитель может свободно учить свободных людей. Ярчайшим свидетельством этого служит история, описанная Иосифом Флавием, когда две тысячи лет назад спасшийся из разрушенного Иерусалим Йоханан бен Заккай попросил у императора Веспасиана только «одно» возможности создать учебное заведение, где существовала бы свобода преподавания. Именно так, по Иосифу Флавию и Леону Фейхтвангеру, после проигранных римлянам войн смог выжить и продолжить свой путь в истории еврейский народ. Пока есть хотя бы одно место, где учат тех, кто способен учиться, возрождение культуры неизбежно.

История знает и другие примеры, когда то ли добрая воля, то ли понимание выгоды образования для государства, а, следовательно, для власти побуждало разумных правителей способствовать развитию свободы творческого поиска и учителей, и их учеников, которые в будущем сами становились учителями. Любой причастный к современному образованию человек слышал такое словосочетание, как Болонский процесс. Но не все знают, что этот процесс начался в 1158 году, когда король Германии, император Священной Римской империи Фридрих Барбаросса подписал болонскую хартию свободы, предоставив автономия первым университетам Европы. Понимал ли он, что отношения университетов и вообще интеллектуалов с властью из-за этого станут сложными сейчас трудно сказать. Но впоследствии многие европейские правители прекрасно это поняли просто на практике, и, тем не менее, университет-

ская свобода сохранялась и продолжает сохраняться, потому что власть, заинтересованная в развитии своей страны, нуждается в прогрессе образования, и не только специализированного, но и универсального фундаментального. И как бы трудно ей ни было терпеть гнезда вольнодумства и рассадники крамолы, сапоги тирании и тоталитаризма так и не затоптали огонь в очагах свободной мысли: из университетов выходили и вольнодумцы-ученые, и сочинители острых куплетов менестрели и трубадуры.

Почти 900 лет назад свободные университеты начали осуществлять грандиозную инвестиционную программу. Вероятно, это не только самая продолжительная из всех когда-либо существовавших инвестиционных программ, но и единственная из них, которая не может, и не должна завершиться. Каждое поколение учеников в свой срок становится новым поколением учителей и именно в этой роли делает свою поколенческую инвестицию, свой вклад в будущее. Ни в коем случае нельзя забывать, что каждое поколение самостоятельно выбирает размер и форму этого вклада и как бы заново конструирует свою программу развития личностного потенциала. Это конструирование всегда происходит не просто в ситуации выбора, но в ситуации перманентного выбора. Вклад, который делает в будущее любая образовательная программа, и тем более образование в целом, не может быть зафиксирован ни по каким параметрам, ни в какой момент, потому что либо он прирастает ежедневно и ежечасно, либо обесценивается, причем мгновенно и навсегда. Образование не существует в безальтернативном, нетворческом режиме, оно не

делается по неизменным, готовым рецептам и не читается ни по каллиграфическим прописям, ни даже, как бывало, по материалам партийных съездов. За ним стояла, стоит и будет стоять могучая культура действий в неопределенных ситуациях ситуациях «пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что». Именно в такой ситуации всегда жили, живут и будут жить те, кто учит, в том числе и мы с вами и во времена застоя, и во времена перемен.

Прогнозирование будущего это трансформация настоящего. Фонд «Вклад в будущее» не только говорит о личностном потенциале, но и делает его вместе с нами, вместе с вами, приглашая вас к сотрудничеству, к совместной трансформации настоящего. Чтобы в предвидении будущего того поколения, о котором мы мечтаем, и которое не стало бы по отношению к нам тем, о ком Стругацкие написали, что «будущее просто шло своей дорогой» мимо них.

Разработка идеи персонализации всегда требовала мужества. Заниматься ею не может тот, кто готов встать или быть поставленным на колени и жить по формуле «Ух2 угадать, угодить». Нет сомнений, что мужество видения времени это и есть мужество быть личностью. Так было вчера, так это осталось и сегодня. А личность, собственно, и есть персона, а значит, наше с вами мужество это быть личностями и помогать формированию других личностей. В этом и состоит суть проекта персонализации. Социум, состоящий из множества персон, множества уникальных личностей является крайне сложной системой. Чем сложнее и многограннее элементы этой системы, тем больше

между ними связей, тем больше многообразия. Наша задача, разумеется, ни в коем случае не упрощать личности тех, с кем мы каждый день имеем дело, но наоборот способствовать развитию их многоаспектности, при этом никогда нельзя забывать, что многообразие связей увеличивает риски конфликтов. Конфликты неизбежны, их не следует бояться, но их следует уметь разрешать максимально безвредным образом и даже более того, чтобы уже разрешенный конфликт приносил пользу всем его участникам. Способ такого разрешения конфликтов только один – переговоры. Вообще говоря, переговорщик – отдельная профессия. К сожалению, у нас их практически нигде не готовят, но даже когда, я надеюсь, начнут готовить, учителя все равно останутся наиболее важными и многочисленными представителями этой благородной профессии. В.И. Вернадский прогнозировал наступление психозойской эры – эры, в которой разум людей делает мир. Личность человека, который делает мир, просто обязана быть предельно разнообразной и непрерывно развивающейся. Соответственно, эра, о которой говорил величайший ученый, – это также и эра персонализации, эра роста и разнообразия личности. Варвары всегда стремились уничтожить разнообразие. Варварство тоталитарных систем и есть ни что иное как стирание разнообразия. А эра персонализации – это взрыв разнообразия, которому мы помогаем своей программой по развитию личностного потенциала, помогаем набраться сил каждому, пробуждая все силы его личности для преодоления жизненных трудностей.

Программа развития личностного

потенциала – это антропологический проект, а любой антропологический проект начинается со сложнейшего экзистенциального выбора или, как говорит Дмитрий Леонтьев, личностного выбора. В данном случае речь идет о том, какую роль, какую социальную функцию вы для себя выбираете, для чего вашим ученикам предстоит развивать собственный личностный потенциал, какую цель вы видите перед собой и ставите перед ними. Точнее намерены ли вы вместе с ними осуществлять программу социальных и педагогических инноваций, или нацелены на то, чтобы мобилизовать их на решение задач, поставленных другими. Итак, вопрос первоочередной степени важности – вы инноватор или мобилизатор.

Ответ на этот вопрос определит аксиологию проекта для вас или, проще говоря, ваши ценностные ориентиры. Конечно, в обществе мобилизации легче быть мобилизатором. Мобилизационная ситуация – все строимся и действуем, как военная часть, т.е. движемся в одном направлении по заранее известному маршруту. Если и надо о чем-то думать, то только о том, как не отстать от других. Пространство выбора сужено заранее и постепенно сужается до минимума. Мобилизация – это всегда элиминация альтернатив, процесс, в котором, так или иначе, происходит блокировка выбора и гасятся альтернативные варианты развития, в котором действуют совершенно другие законы. Она необходима для систем, в которых «не надо обсуждать». И тогда образование – это рецептура приказов и жестких инструкций.

Понятно, что весь пафос того, о чем шла речь выше, подталкивает

сделать выбор в пользу роли «инноватор». Столь же понятно, что мы живем в стране, где в данный момент господствует идеология мобилизации. Можно ли быть инноватором в обществе мобилизации? Можно. Трудно, но можно. Можно проповедовать будущее в мире прошлого. Можно вовлекать в инновационные проекты даже сегодняшних российских учителей, перегруженных, с бешеным количеством отчетности и вынужденно сконцентрированных на том, как прокормить семью. Да, у нас всюду сплошной Рособрнабзор. У нас всюду контролируют, контролируют и контролируют, у нас всё непрерывно измеряют, порой, даже не понимая, что именно хотят измерить. У нас постоянно сводят образование к репетиторству, к зазубриванию и дрессуре, потому тогда оно очень удобно для контроля и для выделки крепостных. Тех крепостных, для которых, как у Чехова, воля это несчастье, и с которыми, безусловно, удобно и легко построить образование. Если его еще можно будет так назвать. Как писал директор патриотической школы из «Трудно быть богом» братьев Стругацких: «Умные нам не надобны. Надобны верные».

Преодолимы ли эти трудности? Можем ли мы вовлечь в инновационную деятельность наших коллег-учителей, которые отталкивают нас, чтобы адаптироваться в системе мобилизации? Как вообще можно пытаться развивать инновации в стране, не только находящейся в ситуации перманентного кризиса, но и наслаждающейся этим кризисом, можно сказать, влюбленной в него. Попробуем коротко зафиксировать те смысловые ориентиры, которые вопреки

обстоятельствам позволяют развивать инновационное образование и продвигать нашу Программу по развитию личностного потенциала.

1. Мы обязаны отказаться от рассмотрения человека в качестве вещи, в качестве товара, в качестве объекта. Человек это прежде всего не персонал, не кадровый ресурс, даже не специалист, а личность, обладающая достоинством, это априорная ценность, способная любить и заслуживающая любви, причем не за что-то, а просто так. И даже вопреки.

2. В нашей стране четвертый век подряд продолжается технологическая модернизация. Со времен Петра I мы непрерывно пытаемся догнать развитые страны в технологиях, забывая, что догоняющий, по определению, всегда находится сзади. Пора, наконец, понять, что основа технологического прогресса, стимул развития технологий это создание новых картин мира, альтернативных сегодняшней и позволяющих добиваться не механистического, а качественного смыслового прогресса. Можно было пригласить в Петербург Эйлера и еще целую группу выдающихся европейских ученых, но нельзя было рассчитывать на то, что появятся собственные Эйлеры без десятилетий и веков свободного развития свободных университетов. Тем более сегодня, когда огромное количество альтернативных картин мира следствие специфики информационной эпохи. Без их свободного развития и конкуренции современного социума быть не может. Платой за то, что телевидение пытается навязать одну картину мира и подавить иные, предлагаемые всемирной сетью, является продолжающееся отставание. Здесь очень интересно

обратить внимание на белорусский феномен — белорусская авторитарная власть некоторое время назад решила просто заработать денег и сама стимулировала создание высокотехнологичного IT-кластера в своей стране. Буквально через несколько лет люди, занятые в этом кластере, казалось бы, хорошо зарабатывающие и материально вполне благополучные, оказались в авангарде протеста против той самой власти, которая, казалось бы, все это инициировала. И наряду, разумеется, с другими общественными группами, они потребовали куда более масштабных перемен и, прежде всего, свободы.

3. Мы привыкли оперировать термином «человеческий капитал», но не следует забывать, что нобелевскую премию в экономике за теорию человеческого капитала Теодор Шульц и Гэрри Беккер получили в 60-е годы. Да, тогда продемонстрировать, что человек — это капитал, а его образование важная часть этого капитала, было большим и, возможно, даже революционным открытием. Сегодня мы не только не можем себе этого позволить, но обязаны всегда помнить, что ни человек, ни его образование не сводятся к ресурсу, капиталу. Образование — это прежде всего развитие человеческого потенциала. А этот потенциал — залог стратегии развития культуры и цивилизации. Важной составляющей методологией развития человеческого потенциала является антропологический проект, которым мы заняты, и это тоже наш вклад в будущее.

4. Образование — процесс, который либо гасит проявления индивидуальности, то есть самое эволюцию, либо поддерживает их. Но нет в мире

никакого развития, помимо эволюции, поэтому мы должны быть носителями эволюционной педагогики и частью ее.

Мы живем в эпоху, когда страх творца перед возможными последствиями его творения достиг небывалого уровня. Это не просто эффект Пигмалиона. При всей искусственности своего происхождения Галатея была подобна своему творцу. Созданный нами искусственный интеллект не просто воплотил в реальность страх перед роботами, описанными Чапеком и Азимовым, он выявил и подчеркнул угрозу, которую несут роботы, живущие внутри нас самих, роботы-носители социального конформизма. Социальная система, в которой мы живем, все больше усложняется, соответственно, все сложнее становятся наши отношения с этой системой и все тревожнее звучит вопрос, кто мы по отношению к этой системе — рабы матрицы или конструкторы собственного пространства. Разрабатывая новое, создавая Программу по развитию личностного потенциала, мы обязаны фиксировать и учитывать эффекты ментальной и социальной инерции, которые мешают нам видеть альтернативные, вариативные формы и способы образования, расширения возможностей развития личности, иные пути развития.

Итак, гонка за чужим успехом — это всегда только спина впереди, и путь за этой спиной не содержит иных вариантов развития. Программа по развитию личностного потенциала — это поиск новых возможностей развития и собственных возможностей каждого человека. И ни в коем случае не попытка привить сколь угодно полезные возможности другим людям. Порождаемая культурой полезности редук-

ция человека к клиенту, пациенту, спецу, персоналу социально опасна и бесперспективна в сложно устроенном современном мире. Разработка любого стандарта образования это в первую очередь программирование непрограммируемого. Это такой стандарт, который не может быть догмой, ибо задача его всегда производство нестандартных личностей. Естественный интеллект породил искусственный интеллект для помощи в своей деятельности, но не для редукции человеческой личности к набору программ. Более того, создание искусственного интеллекта само по себе было непрограммируемым, непредсказуемым в рамках предшествовавшего ему технологического развития. Но появление его столь же непредсказуемо изменило нашу картину мира, наш собственный образ в наших глазах, сделав его не проще, но сложнее так же, как сложнее стала реальность, с которой мы работаем.

Будущее никогда не бывает линейным продолжением прошлого, его механической экстраполяцией во времени. Социальное воображение это не только прогноз, сделанный на основе имеющихся фактов, но всегда фантазия, которая шире, содержательно богаче линейного прогноза, всегда видит другие возможные поля развития. Необходимо разрабатывать интегрированные, общие пути развития, и один из них Программа по развитию личностного потенциала. Эта наша программа система, которая имеет множество степеней свободы, и она обладает всеми особенностями, которые присущи участвующим в ней личностям и организациям. В ее рамках мы переходим от примата значения человеческого капитала к преиму-

щественному пониманию человеческого потенциала как главной цели и главному объекту развития. Понимание именно этого направления не только педагогической, но и шире познавательной деятельности опирается на достижения выдающихся исследователей в самых передовых областях знания.

Первым я назвал бы Илью Пригожина, который дал нам парадигму неравновесной реальности и философию нестабильности. Без этих концепций не может быть развития антропологической педагогики или педагогической эволюционной антропологии. Научная методология развития личностного потенциала немыслима без трудов такого автора, как Амартия Сен, в которых убедительно доказано, что это развитие – это, прежде всего, свобода. В этом же ряду создателей нового, необходимого и обязательного для развития творческого потенциала знания, также и создатель неклассической биологии Бернштейн. Именно он сформулировал важнейшую мысль о том, что задача рождает орган. В соответствии с этим принципом необходимо всегда помнить, что и в разработке образовательных программ главное это сформулировать цель, которая для нас есть главная ценность. Цель эта инвариантна, а средства ее достижения должны подбираться в зависимости от их адекватности и поэтому они вариативны. Конечно, назвать можно еще многих: тут и Г. Олпорт, написавший одни из лучших работ по персоналогии, без которых нельзя понять концепцию личностного потенциала, и, разумеется, Д. Канеман, автор работ по психологии принятия решений в неопределенных ситуациях. И естест-

венно те классики, которых я уже называл и, прежде всего, Л.С. Выготский. Все это люди, и соответственно, тексты, которые дают нам и необходимые конкретные знания, и служат образцом создания качественно нового, являющегося выходом за пределы аксиоматики предыдущей системы взглядов, которая, как всегда, была верной, но неполной и недостаточной. Гений, как мы с вами хорошо знаем,

парадоксов друг. А парадокс это всегда проблема, иногда даже неразрешимая, но всегда такая, решение которой искать необходимо. В полном соответствии с этим тезисом любая успешная новаторская школа всегда отличается мастерством неожиданного, всегда умеет действовать в непрогнозируемых ситуациях и находить в них творчески не прогнозируемые решения. Неслучайно школа диалога культур та, которую обычно называют школой Библера, всегда начинается общение с учениками с вопроса «Как вас можно удивить?». Из ответов на этот вопрос извлекается, прежде всего, понимание того, что вообще для партнеров по образовательному процессу означает «удивить». Потому что удивить — означает мотивировать, завоевать внимание. А искусство педагога — это искусство борьбы за внимание учеников. Не завоевав их внимания, не вызвав их глубокий интеллектуальный интерес, невозможно применять новые вариативные методы — те, которые взрывают авторитарные, тоталитарные, банальные дидактические схемы. Без всего этого невозможен переход от мотивации нужды к мотивации роста. Не может без этого существовать современное критическое мышление и тот уровень мировосприятия, который мы называ-

ем эмоциональным интеллектом и который только и является современной методологией решения задач. В мире эта методология существует только в совокупности понимания собственно задач, мотивов для их решения и ценности в основе их мотива.

Жизненный путь личности это история отклоненных альтернатив. Это история того, кем мы хотели стать и кем не стали. Каждая личность именно потому полимотивирована, что регулярно меняет концепцию ведущей деятельности. Мы и раньше знали о смене приоритетов в этой области, перечисляя игровую деятельность, учебную деятельность, деятельности интимно-личностного общения и включение в разные формы производственной деятельности. Но сегодня необходимо четко понимать, что на определенном этапе развития своего личностного потенциала ребенок сам начинает выбирать те деятельности, которые определяют его развитие. Это и есть великий поворот персонализации.

Мы не знаем, каким будет выпускник будущего, но мы обязаны знать, где искать, каким он будет. На наших глазах происходит переход от алгоритмизированных профессий, ориентированных на узкую специализацию, к неалгоритмизированным профессиям, основанным на избыточности и движении.

Я завершаю словами: «Сочтемся смыслами, которые мы рожаем» именно смыслами, а не славой, именно смыслотворчеством, смысловой зоркостью, именно туда нам нужно двигаться, опираясь на проект развития личностного потенциала.